

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-260-271

Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

УМАРОВ Курбан Алиевич,

магистрант 2 курса Юридического института ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный университет», г. Махачкала,
Российская Федерация,
e-mail: ukurban2312@mail.ru

МАГОМЕДОВА Аминат Мустафаевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного
права и криминологии Юридического института ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный университет», г. Махачкала,
Российская Федерация,
e-mail: mail@law-books.ru

ЗАЛИБЕКОВ Рамазан Пахрутдинович,

старший преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии Юридического института ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный университет», г. Махачкала,
Российская Федерация
e-mail: ramzal29@mail.ru

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ
НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ (П. «А» Ч. 3 СТ. 286 УК РФ)**

Аннотация. В статье исследуются уголовно-правовая природа и проблемы квалификации насильственных действий сотрудников органов внутренних дел, совершаемых при превышении должностных полномочий (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ). Анализируются объективные и субъективные признаки состава, содержание квалифицирующего признака «применение насилия», пределы правомерного применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также соотношение основного состава превышения полномочий со смежными составами преступлений (ст. 111, 112, 117, 203, 302, 309, 318 УК РФ) и с пыткой как самостоятельным квалифицирующим признаком (ч. 4 ст. 286 УК РФ). Отдельное внимание уделено установлению умысла должностного лица, разграничению преступного и правомерного причинения вреда в ситуациях задержания, необходимой обороны и крайней необходимости. На основе анализа разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, обзоров судебной практики и доктринальных позиций выявлены типичные квалификационные ошибки и сформулированы конкретные предложения по совершенствованию уголовного закона, разъяснений высшей судебной инстанции и правоприменительной практики.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий; п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ; сотрудники органов внутренних дел; насилие; применение физической силы; специальные средства; пытки; квалификация преступлений; разграничение составов; совокупность преступлений; правомерное причинение вреда.

UMAROV Kurban A.,

2nd year Master's student, Law Institute, Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation

MAGOMEDOVA Aminat M.,

Candidate of Law (PhD), Associate Professor, Department of Criminal
Law and Criminology, Law Institute, Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation

ZALIBEKOV Ramazan P.,

Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Law
Institute, Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS AND PROBLEMS OF QUALIFICATION OF VIOLENT ACTIONS OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS EXCEEDING OFFICIAL POWERS (ITEM "A" PART 3 OF ART. 286 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Annotation. *The article examines the criminal-legal nature and the problems of qualification of violent actions of internal affairs officers committed while exceeding official powers (item "a" part 3 of art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation). The objective and subjective elements of the offence, the content of the aggravating feature "use of violence", the limits of lawful use of physical force, special means and firearms, as well as the correlation of the basic offence of abuse of powers with related offences (arts. 111, 112, 117, 203, 302, 309, 318 of the Criminal Code) and with torture as an independent aggravating feature (part 4 of art. 286) are analysed. Particular attention is paid to establishing the intent of the official and to the distinction between criminal and lawful infliction of harm in situations of detention, necessary defence and extreme necessity. Based on the analysis of the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, reviews of judicial practice and doctrinal positions, typical qualification errors are identified and specific proposals for improving the criminal law, the clarifications of the highest judicial instance and law-enforcement practice are formulated.*

Key words: *exceeding official powers; item "a" part 3 of art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation; internal affairs officers; violence; use of physical force; special means; torture; qualification of crimes; delimitation of offences; cumulation of crimes; lawful infliction of harm.*

Правоохранительная деятельность государства неразрывно связана с наделением сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) значительным объемом властных полномочий, включая право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия [2]. Именно эта сфера наиболее чувствительна для прав и свобод человека: любое необоснованное насилие со стороны носителя публичной власти подрывает доверие к государству, деформирует правосознание и порождает устойчивый запрос на повышенную уголовно-правовую охрану личности от должностного произвола. Законодательным ответом на такие посягательства служат нормы главы 30 УК РФ, и прежде всего ст. 285 и 286 УК РФ [1], устанавливающие ответственность за злоупотребление должностными полномочиями и за их превышение.

Особое положение среди этих норм занимает п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, предусматривающий ответственность за превышение должностных полномочий, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения [1]. Указанный признак одновременно и наиболее часто вменяемый по делам рассматриваемой категории, и наиболее сложный для правовой оценки, поскольку он предполагает отграничение преступного насилия от внешне схожего правомерного применения принуждения уполномоченным лицом. По справедливому замечанию исследователей, конструкция ст. 286 УК РФ объединяет деяния, качественно различные по степени общественной опасности, — от должностных проступков, граничащих с дисциплинарными, до посягательств, сопряженных с истязаниями и пытками, что делает ее «зонтичной» нормой и порождает конкуренцию с составами преступлений против личности и про-

тив правосудия [12].

Актуальность темы усиливается высокой латентностью насилия со стороны сотрудников ОВД, сложностью доказывания субъективной стороны и отсутствием в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ специальных правил квалификации насильственных действий сотрудников полиции по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Практика нижестоящих судов при разрешении таких дел нередко демонстрирует разнонаправленные подходы, а обвинительные приговоры неоднократно отменялись вышестоящими инстанциями именно в связи с неустановлением умысла на превышение должностных полномочий [8].

Превышение должностных полномочий является специальным составом по отношению к злоупотреблению должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, в отличие от ответственности за совершение действий в пределах своей компетенции вопреки интересам службы, ответственность по ст. 286 УК РФ наступает в случае совершения должностным лицом активных действий, явно выходящих за пределы его полномочий, повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, если при этом должностное лицо осознавало, что действует за пределами возложенных на него полномочий [3].

В доктрине уголовного права соотношение ст. 285 и 286 УК РФ традиционно рассматривается через категорию конкуренции общей и специальной нормы. Так, Б. В. Волженкин отмечал, что «норма об ответственности за превышение должностных полномочий является специальной по отношению к норме о злоупотреб-

лении должностными полномочиями, поскольку представляет собой специальный случай такого злоупотребления» [15, с. 45]. При этом ученый подчеркивал, что возникающая конкуренция общей и специальной нормы разрешается в пользу специальной нормы в соответствии с положением, закрепленным в ч. 3 ст. 17 УК РФ [15, с. 46]. Иную позицию занимает П. С. Яни, полагающий, что «должностное злоупотребление — частный случай превышения полномочий» [21, с. 12], то есть предлагающий обратное соотношение норм. Несмотря на различие теоретических подходов к характеру конкуренции ст. 285 и 286 УК РФ, практический вывод совпадает: при наличии признаков обеих норм квалификация осуществляется по специальной норме — ст. 286 УК РФ, что получило отражение в разъяснениях высшей судебной инстанции.

Ключевым для понимания природы рассматриваемого деяния является признак «явного выхода» за пределы полномочий. Пленум Верховного Суда РФ раскрывает его через четыре типовые формы: действия, относящиеся к полномочиям другого должностного лица (вышестоящего или равного по статусу); действия, которые могли быть совершены лишь при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте; действия, требующие коллегиальности или согласования, совершенные единолично; и наконец действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать [3]. Для сотрудников ОВД определяющее значение имеет именно вторая и четвертая формы: применение физической силы, специальных средств или оружия допускается законом лишь при наличии строго определенных оснований, а причинение страданий в целях получения признаний недопустимо ни при каких обстоятельствах.

В доктрине понятие «явный выход» за пределы полномочий получило неоднозначную интерпретацию. М. А. Любавина считает, что «явность выхода за пределы полномочий относится к характеристике вины и свидетельствует о том, что должностное лицо со всей очевидностью осознавало, что не обладает полномочиями на совершение тех действий, которые совершает» [20, с. 23]. Еще в XIX веке русский ученый В. Есипов писал, что «превышение власти есть всякое действие должностного лица в нарушение закона или вне пределов власти, наносящее вред государству, обществу, вверенной части или отдельному лицу» [23, с. 312]. Аналогичной позиции придерживались А. Н. Трайнин и А. Б. Сахаров, называя подобное разграничение составов единственно возможным [24, с. 78].

Б. В. Здравомыслов развил эту мысль: «действия при превышении власти характеризуются, как указано в законе, тем, что они явно

выходят за пределы предоставленных должностному лицу прав и полномочий. Этот признак следует понимать в том смысле, что должностное лицо совершает действия, не входящие в его служебную компетенцию, превышающие предоставленные ему законом, уставом или ведомственными инструкциями или распоряжениями полномочия и права» [25, с. 156]. Данное понимание признака «явного выхода» за пределы полномочий сохраняет свою актуальность и в современной доктрине.

Объект рассматриваемого посягательства носит сложный характер. Основным непосредственным объектом выступает нормальная управленческая деятельность государственного аппарата, дополнительным — телесная неприкосновенность, здоровье, а в ряде случаев и жизнь потерпевшего. Такая «двухобъектность» предопределяет и правила квалификации: насилие, образующее признак п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, по общему правилу охватывается основным составом, однако при причинении вреда здоровью определенной тяжести возникает вопрос о совокупности с преступлениями против личности.

Потерпевшими по делам рассматриваемой категории чаще всего выступают задержанные, доставленные, административно арестованные лица, а также граждане, в отношении которых проводятся проверочные мероприятия. Именно уязвимость указанных лиц, находящихся в состоянии фактической зависимости от представителя власти, обуславливает повышенную общественную опасность насильственных действий сотрудников ОВД и служит основанием для отнесения содеянного к категории тяжких преступлений (санкция ч. 3 ст. 286 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок от трех до десяти лет) [1].

Законодатель не раскрывает содержание понятия «насилие» применительно к ст. 286 УК РФ, что порождает в доктрине несколько подходов. Согласно первому, наиболее распространенному, под насилием при превышении должностных полномочий понимается незаконное физическое воздействие на потерпевшего, выражающееся в нанесении ударов, побоев, совершении иных действий, причиняющих физическую боль, а равно удержание, связывание и тому подобные действия. Согласно второму подходу, объем признака расширяется за счет психического насилия — угрозы применения физического насилия [13]. Законодательная конструкция п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, прямо указывающая как на применение насилия, так и на угрозу его применения, свидетельствует в пользу второго подхода и позволяет признать, что угроза насилием образует самостоятельную форму рассматриваемого квалифицирующего признака.

В доктрине уголовного права понятие на-

сила разработано достаточно детально. Л. Д. Гаухман под физическим насилием понимает «противоправное воздействие на организм другого человека, включая и воздействие путем введения в организм любым способом отравляющих, сильнодействующих веществ» [17, с. 12]. При этом ученый указывал, что «в законе под термином „насилие“ подразумевается только физическое насилие. Если же предусматривается ответственность за угрозу применения насилия, то это специально оговаривается в диспозиции нормы» [17, с. 14]. Именно такой подход — с прямым указанием в диспозиции п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ как на применение насилия, так и на угрозу его применения — реализован законодателем.

Ориентиром для уяснения содержания насилия служит разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о тождественном по юридической природе составе превышения полномочий частным охранником: под угрозой применения насилия следует понимать высказывания или иные действия, свидетельствующие о намерении применить к потерпевшему любое физическое насилие, когда такая угроза воспринималась потерпевшим как реальная [4]. Данное разъяснение применимо по аналогии и к превышению полномочий должностным лицом, поскольку признаки насилия в ст. 203 и в ст. 286 УК РФ конструируются законодателем однотипно.

Объем насилия, охватываемого п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, в судебной практике определяется через категории вреда здоровью. Устойчивый подход состоит в том, что насилие, не повлекшее причинения вреда здоровью, а равно насилие, причинившее легкий или средней тяжести вред здоровью, охватывается квалифицированным составом превышения полномочий и дополнительной квалификации по ст. 115 или 112 УК РФ не требует. Напротив, причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) либо смерти по неосторожности выходит за пределы состава п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ и требует квалификации по совокупности преступлений. Это правило выводится, в частности, из законодательной конструкции ч. 4 ст. 286 УК РФ, которая выделяет причинение по неосторожности смерти потерпевшего или тяжкого вреда его здоровью в особо квалифицированный состав лишь применительно к попытке, оставляя иные случаи на разрешение по правилам совокупности [1]. Аналогичный подход Пленум Верховного Суда РФ демонстрирует и применительно к специальному субъекту — сотруднику, применившему насилие в отношении представителя власти: применение насилия, которым причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, охватывается составом преступления и дополнительной квалификации по ст. 115 или 112 УК РФ не требует [5].

Дискуссионным остается вопрос о нижней границе насилия: охватывается ли признаком п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ нанесение побоев, не причинивших вреда здоровью. Представляется, что ответ должен быть положительным, поскольку законодатель говорит о «применении насилия», а не о «причинении вреда здоровью», и тем самым охватывает любой объем физического воздействия, сопряженного с причинением физической боли. Ограничительное же толкование привело бы к необоснованному выведению из состава наиболее распространенных форм должностного насилия и к парадоксальному выводу о меньшей опасности ударного воздействия по сравнению с угрозой его применения.

В доктрине уголовного права отсутствует единство и в вопросе о том, насколько удачна сама конструкция ст. 286 УК РФ. Ряд исследователей рассматривает ее как «зонтичную» норму, объединяющую деяния, качественно различные по степени общественной опасности, что затрудняет их разграничение и создает конкуренцию со смежными составами; другие, напротив, указывают на необходимость сохранения единого состава превышения полномочий ввиду невозможности исчерпывающего перечисления всех форм выхода за пределы полномочий [12]. С учетом сравнительно-правового опыта отмечается, что в ряде зарубежных правовых порядков (Германия, Испания, США, Эстония) ответственность за необоснованное применение насилия должностными лицами устанавливается специальными составами преступлений, тогда как в странах постсоветского пространства превышение полномочий выделено в самостоятельный состав [12]. В учебной литературе при раскрытии признаков превышения должностных полномочий подчеркивается, что деяние всегда связано с активным поведением должностного лица и осознанием выхода за пределы возложенных полномочий [13], что подтверждает вывод о решающей роли субъективной стороны для отграничения преступного поведения от правомерного.

Центральная практическая проблема квалификации насильственных действий сотрудников ОВД состоит в отграничении преступного деяния от правомерного применения принуждения. Законодательной основой здесь служат нормы Федерального закона «О полиции», определяющие основания, условия и пределы применения физической силы (ст. 20), специальных средств (ст. 21) и огнестрельного оружия (ст. 23) [2]. Сотрудник полиции обязан проходить специальную подготовку и периодическую проверку на профессиональную пригодность к действиям, связанным с применением физической силы, специальных средств и оружия, а превышение полномочий при их применении влечет ответствен-

ность, установленную законодательством [2].

Прямое разъяснение о необходимости учитывать основания и пределы применения силы содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ применительно к частным охранникам: при отграничении превышения полномочий, совершенного с применением насилия, использованием оружия или специальных средств (например, резиновой палки, наручников), от правомерных действий судам следует учитывать основания, условия и пределы применения физической силы, оружия или специальных средств, определенные соответствующим законом, а также условия правомерности причинения вреда при необходимой обороне, крайней необходимости или задержании лица, совершившего преступление [4]. Аналогичные по существу критерии Пленум закрепил и для должностных лиц: при отграничении превышения должностных полномочий, совершенного с применением оружия или специальных средств, от правомерных действий должностных лиц судам надлежит учитывать основания, условия и пределы применения оружия или специальных средств, определенные в соответствующих нормативных правовых актах, в том числе в Федеральном законе «О полиции» [3].

Важное значение приобретает и институт обстоятельств, исключающих преступность деяния (глава 8 УК РФ). Пленум Верховного Суда РФ прямо указал, что деяние, содержащее признаки превышения должностных полномочий, совершенное должностным лицом для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности, охраняемым законом интересам общества или государства, при невозможности ее устранения иными средствами, не может быть признано преступным, если не было допущено превышения пределов крайней необходимости [3]. Распространяется ли на сотрудника полиции состояние необходимой обороны и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, — вопрос, по которому Верховный Суд РФ высказался в обзоре практики применения главы 8 УК РФ [8].

В доктрине данный вопрос также получил освещение. А. М. Сильников и Д. О. Ляпин высказывают точку зрения, что «любой вред, причиняемый сотрудниками силовых ведомств, который соответствует условиям применения силы и оружия в соответствии со „специальным“ законодательством, должен признаваться правомерным; если же нарушаются порядок и основания применения силы и оружия, ответственность должна наступать за превышение должностных полномочий» [26, с. 54]. К аналогичным выводам приходят в своих исследованиях Д. В. Боев и А. Г. Блинов [27, с. 112].

Вместе с тем в доктрине отмечаются и

существенные сложности практического применения института необходимой обороны к деятельности сотрудников полиции. Как справедливо указывается в литературе, «действующих норм Уголовного кодекса России, прежде всего норм главы 8, явно недостаточно, а их формулировки далеки от совершенства и позволяют переложить вину за причинение вреда на лиц, осуществляющих причинение вреда в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния» [22, с. 20]. А. И. Каплунов и С. Ф. Милюков отмечают, что «намерение о непосредственной угрозе начала посяательства может быть выражено в виде действий (например, в форме демонстрации оружия или заменяющих его средств с одновременным приближением к обороняющемуся, несмотря на предупреждение) или словесно, и у обороняющегося следует устанавливать лишь соответствующее субъективное восприятие этих действий» [18, с. 47]. При этом, как подчеркивают исследователи, «судебно-следственные работники иногда допускают серьезные ошибки, направляя все усилия на юридическую оценку действий обороняющегося, которые без соответствующих оснований объективно попадают под действие какой-либо статьи Особенной части УК РФ» [18, с. 49].

Наиболее убедительной иллюстрацией сложности такого разграничения служит пример из обзора судебной практики Верховного Суда РФ. Инспектор ДПС Н. был осужден по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ за нанесение двух ударов ладонью по затылочной части головы задержанному, не оказывавшему сопротивления, что повлекло причинение легкого вреда здоровью. Однако судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда отменила обвинительный приговор и прекратила уголовное дело за отсутствием состава преступления, установив, что сотрудник действовал в условиях реально воспринимаемой угрозы, при недостаточном количестве спецсредств и при наличии оснований считать задержанных вооруженными, а его умысел не был направлен на превышение должностных полномочий [8]. Данный пример наглядно демонстрирует, что решающее значение приобретает оценка обстановки задержания и субъективного отношения сотрудника к своим действиям, а не формальная тяжесть причиненного вреда.

Вместе с тем следует признать, что действующие разъяснения не содержат единого алгоритма оценки правомерности применения силы сотрудниками ОВД. Пленум Верховного Суда РФ раскрыл критерии лишь применительно к частным охранникам и в общей форме — к должностным лицам, тогда как сотрудники полиции, наделенные наибольшим объемом полномочий по применению принуждения, специального регулирующего разъяснения не получили. Это порождает

ет разнородную практику и обосновывает необходимость восполнения указанного пробела.

Как отмечалось, насилие, не повлекшее тяжкого вреда здоровью, охватывается п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Однако если насилие носило характер систематического нанесения побоев и причинило физические или психические страдания, не повлекшие последствий, указанных в ст. 111 и 112 УК РФ, возникает конкуренция с составом истязания (ст. 117 УК РФ) [1]. Представляется, что при совершении сотрудником ОВД систематических насильственных действий в отношении задержанного содеянное должно квалифицироваться по совокупности п. «а» ч. 3 ст. 286 и соответствующей части ст. 117 УК РФ, поскольку объекты посягательства не совпадают, а истязание образует самостоятельное посягательство на здоровье и телесную неприкосновенность. При причинении тяжкого вреда здоровью либо при наступлении смерти по неосторожности требуемая квалификация по совокупности со ст. 111 УК РФ дополнительно осложняется необходимостью установления формы вины в отношении последствий.

Наиболее острой является конкуренция п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ и ст. 302 УК РФ, устанавливающей ответственность за принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля к даче показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий, а равно то же деяние, соединенное с применением насилия или издевательств [1]. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что к иным незаконным действиям, совершаемым в целях принуждения к даче показаний, могут быть отнесены оскорбление данных лиц, умышленное существенное нарушение установленных требований о продолжительности и об условиях проведения допроса, использование сфальсифицированных доказательств [6]. Соответственно, когда то же насилие совершается сотрудником ОВД с целью получения показаний, объект посягательства смещается в сторону интересов правосудия, и определяющим для квалификации становится установление специальной цели принуждения.

В доктрине по данному вопросу высказаны различные позиции. Б. В. Волженкин отмечал, что норма об ответственности за превышение должностных полномочий является специальной по отношению к норме о злоупотреблении должностными полномочиями, и приводил пример, когда следователь применяет насилие к подозреваемому, чтобы добиться признания в совершении преступления [15, с. 48]. При этом в литературе справедливо указывается, что принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ) является специальной нормой по отношению к превышению должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) [20, с. 56]. Как

отмечается в доктрине, «при квалификации по ч. 4 ст. 286 и ч. 3 ст. 302 УК РФ специальная цель и так подлежит обязательному установлению как признак субъективной стороны (например, цель принуждения к даче показаний)» [14, с. 6].

Представляется, что при наличии такой цели содеянное подлежит квалификации по ст. 302 УК РФ (как более специальной норме), а при отсутствии цели принуждения к даче показаний — по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Сложнее обстоит дело, когда насилие совершается как вне процессуальных целей, так и без признаков собственно розыскной необходимости: в таких случаях возможна идеальная совокупность, требующая отдельного обоснования.

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний либо эксперта, специалиста к даче ложного заключения, совершенные лицом, не осуществляющим производство предварительного следствия или дознания и не действующим с ведома или молчаливого согласия следователя либо дознавателя, при наличии к тому оснований квалифицируются по частям 2–4 ст. 309 УК РФ [6]. Это разграничение существенно для дел, где насилие применяется оперативным сотрудником, формально не наделенным процессуальными полномочиями, что требует тщательного установления его процессуального статуса и характера выполняемых действий.

Конкуренция п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ и ст. 318 УК РФ возникает в зеркальной ситуации: когда потерпевшим от насилия выступает сотрудник ОВД как представитель власти. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что уголовная ответственность по ст. 318 УК РФ наступает за применение насилия либо угрозу его применения в отношении представителя власти в связи с законным исполнением им должностных обязанностей [5]. Очевидно, что ст. 318 УК РФ и п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ являются нормами о разных субъектах и разных общественных отношениях и по общему правилу не конкурируют. Вместе с тем при оценке встречного насилия сотрудника важно учитывать разъяснение Пленума о том, что если насилие в отношении представителя власти было совершено в ответ на явно незаконные действия со стороны сотрудника, содеянное при наличии к тому оснований может быть квалифицировано как преступление против личности [5]. Это разъяснение имеет прямое значение и для оценки «перерастания» правомерного задержания в превышение полномочий.

В доктрине обращается внимание на сложности квалификации применения насилия в отношении представителей власти в случаях, когда сотрудники ОВД исполняют служебные обязанности в неофициальном порядке.

Е. И. Сулейманова достаточно подробно описала эту проблему, отмечая, что «понятие „в связи с исполнением служебных обязанностей“ включает в себя не только непосредственное исполнение представителем власти служебных обязанностей, но и их исполнение в неофициальном порядке или даже в прошлом» [28, с. 33]. При квалификации преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, необходимо учитывать законность применения силы самим представителем власти. В случае нарушения сотрудником полиции должностного регламента, в котором предписывается применение силы, его действия могут признаваться насилием, несовместимым с правилами задержания правонарушителя, а следовательно, не влекут уголовно-правовую защиту [28, с. 35].

Наконец, применительно к частным охранникам Пленум Верховного Суда РФ указал, что если виновное лицо при превышении полномочий умышленно причинило потерпевшему средней тяжести вред здоровью, содеянное следует дополнительно квалифицировать по соответствующей части ст. 112 УК РФ, а при сопряженности превышения полномочий с убийством или умышленным причинением тяжкого вреда здоровью — по совокупности с соответствующей статьей главы 16 УК РФ [4]. Данный подход к тяжкому вреду и убийству согласуется с выработанным для ст. 286 УК РФ правилом, согласно которому причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти выходит за пределы состава п. «а» ч. 3 ст. 286 и требует квалификации по совокупности. Вместе с тем в части средней тяжести вреда подходы к ст. 203 и ст. 286 УК РФ расходятся: применительно к частным охранникам Пленум предписывает дополнительно квалифицировать содеянное по ст. 112 УК РФ, тогда как применительно к должностным лицам насилие, причинившее средней тяжести вред, охватывается п. «а» ч. 3 ст. 286 без дополнительной квалификации. Это расхождение может быть обосновано различием общественной опасности субъектов, однако отсутствие специального разъяснения для сотрудников ОВД порождает неопределенность в правоприменении и подтверждает тезис о необходимости восполнения указанного пробела.

Превышение должностных полномочий — умышленное преступление. Пленум Верховного Суда РФ подчеркивает, что ответственность наступает, если должностное лицо осознавало, что действует за пределами возложенных на него полномочий [3]. Именно установление этого интеллектуального момента составляет главную сложность при квалификации насильственных действий сотрудников ОВД, действующих в динамичной и опасной обстановке задержания.

В доктрине данный вопрос также получил освещение. Т. В. Колосовская отмечает, что «за-

конодательная характеристика преступных действий как явно выходящих за пределы должностных полномочий создает условия для признания превышения должностных полномочий преступлением, совершаемым с прямым умыслом» [19, с. 26]. М. А. Любавина, как уже отмечалось, связывает признак «явности» выхода за пределы полномочий с характеристикой вины, подчеркивая, что «должностное лицо со всей очевидностью осознавало отсутствие у него соответствующих полномочий» [20, с. 24].

Судебной практике известны дела, в которых обвинительные приговоры отменялись вследствие недоказанности умысла на превышение полномочий. Так, по уже упоминавшемуся делу в отношении инспектора ДПС Н. судебная коллегия констатировала, что не установлено, будто при применении силы умысел сотрудника был направлен на превышение должностных полномочий либо на причинение потерпевшему физической боли или вреда здоровью, поскольку сотрудник стремился задержать лицо и не допустить совершения им противоправных деяний [8]. Следовательно, определяющим критерием разграничения преступного и правомерного поведения выступает направленность умысла, а не сам факт причинения вреда.

Особую сложность представляет квалификация насилия, совершенного сотрудником ОВД из ложно понятых интересов службы. В этом случае личная заинтересованность отсутствует, а мотив не является криминообразующим признаком превышения полномочий. Пленум Верховного Суда РФ прямо указал, что исходя из диспозиции ст. 286 УК РФ для квалификации содеянного как превышение должностных полномочий мотив преступления значения не имеет [3]. Это означает, что мотив может учитываться как обстоятельство, характеризующее личность и влияющее на назначение наказания, но не определяет наличие состава. Существенно, что личная заинтересованность является криминообразующим признаком злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) [1], [3], но не превышения, что разводит эти составы по субъективной стороне.

В доктрине высказана позиция о том, что «при предъявлении обвинения должен быть конкретно указан соответствующий мотив личного характера, которым руководствовалось должностное лицо, совершая злоупотребление» [21, с. 16]. Применительно к превышению полномочий, однако, мотив не имеет значения для квалификации, что подтверждается разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ.

С процессуальной точки зрения важным ориентиром служит разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о том, что если подсудимый объясняет изменение или отказ от полученных в

присутствии защитника показаний тем, что они были даны под принуждением в связи с применением недозволённых методов ведения расследования, суд обязан принять достаточные и эффективные меры по проверке такого заявления, причем бремя опровержения доводов защиты лежит на государственном обвинителе [7]. Это правило имеет двойное значение: оно обеспечивает полноту установления фактических обстоятельств насилия и одновременно дисциплинирует правоприменителя, не позволяя использовать полученные под принуждением доказательства.

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ статья 286 УК РФ была дополнена квалифицирующим признаком «с применением пытки» (ч. 4) и особо квалифицированным составом — причинение по неосторожности смерти потерпевшего или тяжкого вреда его здоровью в результате пытки (ч. 5), а в примечании дано легальное определение пытки [1]. Под пыткой понимается любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо либо в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, либо по любой причине, основанной на дискриминации любого характера [1].

В доктрине данная новелла получила неоднозначную оценку. В. Н. Борков, выступая с основным докладом на заседании круглого стола в НОЦ «Уголовно-правовая экспертиза» Юридического факультета МГУ, предложил комментарий новеллы — применения при превышении должностных полномочий пытки (ч. 4 ст. 286 УК РФ), а также рассмотрел вопросы разграничения этого деяния и применения при превышении должностных полномочий насилия и специальных средств (п. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ) [14, с. 4]. Ученый обосновал вывод о том, что указанные квалифицированные составы превышения должностных полномочий отличаются используемыми виновным приемами и методами посягательства, причиняющими потерпевшему особые физические и нравственные страдания [14, с. 5]. По мнению В. Н. Боркова, можно выделить следующие критерии разграничения: «от „обычного“ насилия пытка отличается значительной продолжительностью и желанием виновного причинить сильную боль, физические страдания потерпевшему» [14, с. 7]. Кроме того, как отмечает ученый, ключевым критерием выступает не столько интенсивность насилия, сколько наличие специальной цели — принуждения к даче показаний, наказания или дискриминации [14, с. 8].

С. С. Гамаюнов в своем исследовании

отмечает, что «законодательное смешение элементов объективной стороны (способ) и субъективной стороны (цель) в определении пытки порождает логические коллизии», и предлагает авторский подход к пониманию издевательства исключительно как формы психического насилия, а также выявляет обратную зависимость между интенсивностью и продолжительностью воздействия для квалификации деяния как пытки [16, с. 3]. Основные выводы исследователя состоят в том, что «пытка не должна противопоставляться насилию и издевательствам; для квалификации необходимо устанавливать специальную цель и специальный субъект» [16, с. 12].

Легальное определение пытки в примечании к ст. 286 УК РФ воспроизводит формулу, закрепленную и в ст. 302 УК РФ, что порождает коллизию при квалификации насильственных действий сотрудников ОВД, совершаемых в целях получения показаний. С одной стороны, такие действия прямо охватываются признаками пытки как квалифицирующего признака превышения полномочий (ч. 4 ст. 286 УК РФ); с другой — образуют состав принуждения к даче показаний с применением пытки (ч. 3 ст. 302 УК РФ) [1]. Санкции указанных норм совпадают по размеру основного наказания (лишение свободы на срок от четырех до двенадцати лет) и дополнительного (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет), что не снимает, а, напротив, обостряет проблему конкуренции: при идентичных санкциях выбор нормы определяется не тяжестью возможного наказания, а исключительно объектом посягательства и специальной целью деяния, что требует четкого разграничительного критерия на уровне разъяснений высшей судебной инстанции [1].

Представляется, что при конкуренции указанных норм приоритет должен отдаваться ст. 302 УК РФ как норме, специально направленной на охрану интересов правосудия и устанавливающей ответственность за посягательство на доказательственную деятельность. Однако при отсутствии цели получения показаний (например, когда насилие применяется в целях наказания задержанного или его запугивания) содеянное следует квалифицировать по ч. 4 ст. 286 УК РФ. Формально-юридическая неопределенность этого выбора, равно как и совпадение легальных дефиниций, требуют, на наш взгляд, разъяснения на уровне Пленума Верховного Суда РФ.

Дополнительную сложность создает огорка примечания к ст. 286 УК РФ о том, что не является пыткой причинение физических или нравственных страданий, которые возникают в результате правомерных действий должностного лица либо неизбежно сопряжены с такими дей-

ствиями [1]. Эта оговорка концептуально близка к институту обстоятельств, исключающих преступность деяния, и должна применяться с учетом оснований, условий и пределов применения физической силы, закрепленных в Федеральном законе «О полиции» [2]. Однако ее оценочный характер («неизбежно сопряжены») создает риск необоснованного оправдания должностного насилия и потому нуждается в уточнении в разъяснениях высшей судебной инстанции.

Проблема разграничения п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ со смежными составами имеет системный характер и проявляется в трех плоскостях: разграничении с преступлениями против личности (определяется тяжестью вреда здоровью); разграничении с преступлениями против правосудия (определяется специальной целью принуждения к даче показаний); разграничении с правомерным применением принуждения (определяется соблюдением оснований, условий и пределов применения силы, а также содержанием умысла).

Установление совокупности преступлений должно подчиняться требованию о ее последовательном (реальном или идеальном) характере, при котором каждое из деяний влечет самостоятельные общественно опасные последствия. Это требование получило подтверждение применительно к совокупности злоупотребления должностными полномочиями и служебного подлога: Верховный Суд РФ указал, что совокупность таких преступлений возможна лишь при последовательном их совершении, когда служебный подлог не входит в объективную сторону злоупотребления и каждое из деяний повлекло самостоятельные последствия [9]. Данный подход по аналогии применим и к превышению должностных полномочий.

В доктрине подчеркивается, что «норма об ответственности за превышение должностных полномочий является специальной по отношению к норме о злоупотреблении лицом своими должностными полномочиями, так как представляет собой специальный случай такого злоупотребления. Если же превышение должностных полномочий образует специальный состав преступления, то ответственность согласно правилу ч. 3 ст. 17 УК РФ наступает только по специальной норме» [15, с. 47]. Как отмечается в научной литературе со ссылкой на судебную практику, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело об осуждении лица по п. п. «а», «б» ч. 3 ст. 286 и по ч. 2 ст. 302 УК РФ, исключила из приговора общую норму (п. п. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ), указав, что если превышение должностным лицом своих полномочий было выражено в принуждении к даче показаний, соединенном с применением насилия или издевательства, содеянное надлежит квалифицировать только по ст. 302

УК РФ, поскольку одно действие, предусмотренное общей нормой (ст. 286 УК РФ) и специальной нормой (ст. 302 УК РФ), не может образовывать совокупность преступлений [20, с. 58]. После введения Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ самостоятельной части, предусматривающей ответственность за принуждение к даче показаний, соединенное с применением пытки (ч. 3 ст. 302 УК РФ), приведенное правило сохраняет силу: квалификация осуществляется по соответствующей части ст. 302 УК РФ как специальной норме, а насилие или издевательства, не достигающие уровня пытки, охватываются ч. 2 данной статьи.

Обращает на себя внимание и правило о недопустимости двойного учета одного и того же обстоятельства. Так, совершение должностного преступления сотрудником органа внутренних дел может быть предусмотрено в качестве признака конкретного состава и, согласно ч. 2 ст. 63 УК РФ, не может повторно учитываться при назначении наказания; Верховный Суд РФ подтвердил это применительно к ст. 290 УК РФ [10]. Правило имеет практическое значение для назначения справедливого наказания по делам о насильственных действиях сотрудников ОВД.

Исходя из проведенного анализа, предлагается следующий комплекс мер по совершенствованию уголовного закона, разъяснений высшей судебной инстанции и правоприменительной практики.

Дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 специальным пунктом, посвященным квалификации превышения должностных полномочий, совершенного с применением насилия (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ) [3]. В таком пункте целесообразно: раскрыть понятие насилия, охватывающего нанесение ударов, побоев, иных действий, причиняющих физическую боль, удержание и связывание, а также угрозу применения любого физического насилия, воспринимаемую потерпевшим как реальная; указать, что насилие, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти, за пределами ч. 4 и 5 ст. 286 УК РФ требует квалификации по совокупности с соответствующими статьями главы 16 УК РФ; закрепить правило разграничения превышения полномочий с правомерным применением физической силы, специальных средств и оружия посредством анализа оснований, условий и пределов их применения, установленных Федеральным законом «О полиции» [2], а также условий правомерности причинения вреда в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости и при задержании лица, совершившего преступление (ст. 37–39 УК РФ).

Разграничить п. «а» ч. 3 и ч. 4 ст. 286 УК РФ со ст. 302 УК РФ. Целесообразно исходить из

принципа приоритета специальной нормы (ст. 302 УК РФ) в случаях, когда насилие либо пытка применяются с целью принуждения к даче показаний или заключения, и квалифицировать содеянное по п. «а» ч. 3 либо ч. 4 ст. 286 УК РФ при отсутствии такой цели. Соответствующее разъяснение следует включить в постановление Пленума Верховного Суда РФ о преступлениях против правосудия [6].

Уточнить законодательное определение пытки. Оговорка примечания к ст. 286 УК РФ о страданиях, «неизбежно сопряженных» с правомерными действиями должностного лица, носит оценочный характер [1]. Представляется оправданным дополнить ее указанием на необходимость оценки соразмерности примененного принуждения характеру и степени общественной опасности посягательства, что снизит риск необоснованного освобождения от ответственности.

Проведённое исследование подтверждает, что превышение должностных полномочий, совершённое с применением насилия (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ), представляет собой двухобъектное посягательство, посягающее как на нормальную управленческую деятельность государственного аппарата, так и на телесную неприкосновенность, здоровье, а в отдельных случаях — на жизнь потерпевшего. Квалифицирующий признак «применение насилия» охватывает как физическое насилие (удары, побои, удержание, связывание и иные действия, причиняющие физическую боль), так и угрозу применения любого физического насилия, воспринимаемую потерпевшим как реальная [4]. При этом насилие, причинившее лёгкий или средней тяжести вред здоровью, охватывается квалифицированным составом, тогда как причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти требует квалификации по совокупности преступлений. Решающим критерием разграничения преступного и правомерного поведения сотрудника ОВД выступают направленность умысла и соблюдение оснований, условий и пределов применения физической силы, специальных средств и оружия, установленных Федеральным законом «О полиции», а также правил необходимой обороны, крайней необходимости и задержания лица, совершившего преступление [2], [3], [8]. Мотив при превышении должностных полномочий для квалификации значения не имеет [3].

Вместе с тем анализ доктрины и правоприменительной практики выявляет устойчивые квалификационные коллизии: конкуренцию п. «а» ч. 3 ст. 286 и ст. 302 УК РФ; конкуренцию ч. 4 ст. 286 и ч. 3 ст. 302 УК РФ вследствие совпадения легальных дефиниций пытки; отсутствие в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ специальных правил квалификации насильственных

действий сотрудников ОВД; оценочный характер оговорки примечания к ст. 286 УК РФ [1], [6]. В этой связи предложенные меры — дополнение постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 специальным пунктом, разграничение конкурирующих норм по признаку специальной цели принуждения к даче показаний, уточнение законодательного определения пытки, разработка методических рекомендаций для правоприменителя — направлены на обеспечение единообразия судебной практики и повышение эффективности уголовно-правовой охраны личности от должностного произвола.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».
- [2] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».
- [3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».
- [4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях» // СПС «Гарант».
- [5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».
- [6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // СПС «Гарант».
- [7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // СПС «Гарант».
- [8] Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2019 г.) // СПС «Гарант».
- [9] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 8 октября 2025 г.) // СПС «Гарант».
- [10] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря

2017 г.) // СПС «Гарант».

[11] Сравнительное уголовное право. Особенная часть: монография / под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. — М.: Юрлитинформ, 2010. — С. 466–467.

[12] Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М. П. Журавлев, А. В. Наумов и др.; под ред. А. И. Рарога. — М.: ТК Велби, Проспект, 2004. — 696 с.

[13] Борков В. Н. Отграничение пытки от применения насилия или специальных средств при превышении должностных полномочий // Уголовное право. — 2022. — № 12. — С. 3–10.

[14] Волженкин Б. В. Служебные преступления. — М.: Юрист, 2000. — 368 с.

[15] Гамаюнов С. С. Издевательство и пытки как квалифицирующие признаки преступлений против государственной власти, аддитивно сопряженных с посягательствами на жизнь и здоровье личности // Юридические исследования. — 2026. — № 9. — С. 1–14.

[16] Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. — М.: Юридическая литература, 1974. — 167 с.

[17] Каплунов А. И., Милюков С. Ф. Правомерность необходимой обороны: учебное пособие. — Омск: Омская академия МВД России, 2018. — 120 с.

[18] Колосовская Т. В. Превышение должностных полномочий // Молодой ученый. — 2016. — № 9. — С. 25–29.

[19] Любавина М. А. Квалификация должностных преступлений: учебное пособие. — СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2017. — 96 с.

[20] Яни П. С. Должностное злоупотребление — частный случай превышения полномочий // Законность. — 2011. — № 12. — С. 12–16.

[21] Щетинина Н. В., Пашнин А. Н. Пределы правомочности применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и (или) огнестрельного оружия // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2016. — № 4. — С. 19–23.

[22] Есипов В. Превышение власти по русскому уголовному праву. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1892. — 312 с.

[23] Трайнин А. Н., Сахаров А. Б. Должностные преступления. — М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. — 78 с.

[24] Здравомыслов Б. В. Должностные преступления: понятие и квалификация. — М.: Юридическая литература, 1975. — 156 с.

[25] Сильников А. М., Ляпин Д. О. Правомерность причинения вреда сотрудниками силовых ведомств // Российский следователь. — 2015. — № 8. — С. 52–56.

[26] Боев Д. В., Блинов А. Г. Актуальные вопросы применения сотрудниками полиции физической силы и огнестрельного оружия // Общество и право. — 2014. — № 3. — С. 110–114.

[27] Сулейманова Е. И. Применение насилия в отношении представителя власти: проблемы квалификации // Уголовное право. — 2019. — № 5. — С. 32–37.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended) // SPS "Garant".

[2] Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ "On the Police" (as amended) // SPS "Garant".

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 16, 2009 No. 19 "On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office" (as amended and supplemented) // SPS "Garant".

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 29, 2021 No. 21 "On some issues of judicial practice in cases of crimes against the interests of service in commercial and other organizations" // SPS "Garant".

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 1, 2023 No. 14 "On some issues of judicial practice in criminal cases of crimes provided for by Articles 317, 318, 319 of the Criminal Code of the Russian Federation" // SPS "Garant".

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2022 No. 20 "On some issues of judicial practice in criminal cases of crimes against justice" // SPS "Garant".

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016 No. 55 "On the court verdict" // SPS "Garant".

[8] Review of the application by the courts of the provisions of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation on circumstances excluding the criminality of the act (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 22, 2019) // SPS "Garant".

[9] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2025) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 8, 2025) // SPS "Garant".

[10] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5 (2017) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation December 27, 2017) // SPS "Garant".

[11] Comparative criminal law. Special part: monograph / under general. and scientific. ed. S.P. Shcherba. - M.: Yurлитinform, 2010. - S. 466–467.

[12] Russian criminal law. Parts General and

Special: textbook / M.P. Zhuravlev, A.V. Naumov and others; ed. A.I. Raroga. - M.: TC Welby, Prospect, 2004. - 696 s.

[13] Borkov V. N. Delimitation of torture from the use of violence or special means in excess of official powers // Criminal law. — 2022. — № 12. - S. 3-10.

[14] Volzhenkin B.V. Service crimes. - M.: Lawyer, 2000. - 368 p.

[15] Gamayunov S. S. Bullying and torture as qualifying signs of crimes against state power, additively associated with attacks on the life and health of the person // Legal research. — 2026. — № 9. - S. 1-14.

[16] Gauhman L.D. Violence as a means of committing a crime. - M.: Legal literature, 1974. - 167 s.

[17] Kaplunov A.I., Milyukov S.F. The legality of the necessary defense: a textbook. - Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. - 120 s.

[18] Kolosovskaya T.V. Abuse of office // Young scientist. — 2016. — № 9. - S. 25-29.

[19] Lyubavina M. A. Qualification of malfeasance: a textbook. - St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2017. - 96 s.

[20] Jani P. S. Official abuse is a special case of abuse of authority // Legality. — 2011. — № 12. - S. 12-16.

[21] Shchetinina N.V., Pashnin A.N. Limits of the legality of the use of physical force, special means and (or) firearms by police officers // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2016. — № 4. - S. 19-23.

[22] Esipov V. Excess of power under Russian criminal law. - St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich, 1892. - 312 s.

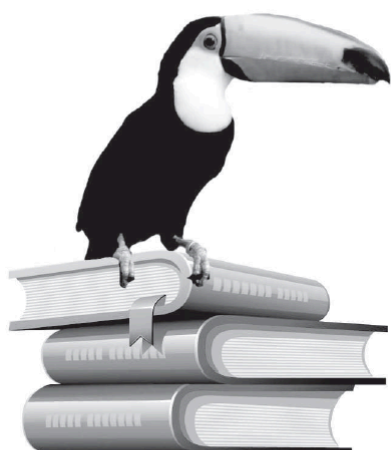
[23] Trainin A.N., Sakharov A.B. Malfeasance. - M.: Legal publishing house of the NKYu of the USSR, 1938. - 78 s.

[24] Zdravomyslov B.V. Malfeasance: concept and qualification. - M.: Legal literature, 1975. - 156 s.

[25] Silnikov A.M., Lyapin D.O. Lawfulness of harm by employees of law enforcement agencies // Russian investigator. — 2015. — № 8. - S. 52-56.

[26] Boev D.V., Blinov A.G. Topical issues of the use of physical force and firearms by police officers // Society and law. — 2014. — № 3. - S. 110-114.

[27] Suleymanova E.I. Use of violence against a government official: qualification problems // Criminal law. — 2019. — № 5. - S. 32-37.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.